

РАКЕЛЬ ВАРЕЛА
РОБЕРТУ ДЕЛЛА САНТА

**КОГДА
«БУДУЩЕЕ
БЫЛО СЕЙЧАС»:**

**ПОРТУГАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1974 ГОДА И ПОЛИТИКА
ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ**

ПОСЛЕ

КОГДА «БУДУЩЕЕ БЫЛО СЕЙЧАС»:

ПОРТУГАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1974 ГОДА И ПОЛИТИКА ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ

Статья представляет собой переработку главы из книги **Ракель Варелы и Роберто делла Санты** «Краткая история Португалии»: Varela R., Santa R. d. Breve história de Portugal: a era contemporânea (1807–2020). Lisboa: Bertrand, 2023. Статья переведена на французский язык Грегуаром ле Куангом (Grégoire Le Quang), отредактирована Ханной Лян Биссесур (Hannah Liang Bissessur) и опубликована в журнале Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique 160 (2024). Перевод статьи на русский язык выполнен по французскому изданию. «Будущее было сейчас» — название книги, вышедшей в 1994 году под редакцией Франсишку Мартинша Родригеша, активиста португальских революционных левых 1960-х годов: Rodrigues F. M., ed. O futuro era agora: o movimento popular do 25 de Abril. Lisboa: Dinossauro, 1994.

ВВЕДЕНИЕ

Португальская революция 1974 года и по сей день остается главной социальной революцией в послевоенной Европе. История переворота 25 апреля началась в Африке и Лиссабоном не ограничилась. «Революция гвоздик» во многом способствовала падению диктатуры полковников в Греции и режима Франко в Испании. Последовавшая за ней португальская демократическая контрреволюция 25 ноября послужила образцом для основанной на союзе труда и капитала политики нормализации Картера, в полной мере реализованной в Латинской Америке после падения военных диктатур в 1980-е годы.

Никогда прежде столько людей не решали так много вопросов в Португалии, как в 1974–1975 годах. Это яркий пример демократической трансформации, детальное изучение которой чрезвычайно важно для понимания нынешнего кризиса представительной демократии.

Катализатором Португальской революции послужили антиколониальные восстания 1960 года в Африке. Они начались с кровавого подавления забастовки подневольных рабочих компании «Котонанг» в Анголе — по некоторым оценкам, тогда погибли более пяти тысяч участников. В ответ Народное движение за освобождение Анголы начало восстание в тюрьмах (4 февраля), а партизаны из Союза народов Анголы напали на белых поселенцев (15 марта). Этому предшествовали десятилетия принудительного труда в пользу Португальской империи и десятки лет антиколониального сопротивления. Именно победа антиколониальных революций в Мозамбике, Анголе, Сан-Томе, Гвинее и Кабо-Верде

(1961–1974) привела к краху политического режима в апреле 1974 года. Кульминацией антиколониальной борьбы стала самая радикальная социальная революция в послевоенной Европе, отличавшаяся широкой партисипаторной демократией и опиравшаяся на комитеты рабочих, горожан и солдат.

Девятнадцать месяцев «революции гвоздик», в течение которых столь многие поучаствовали в принятии решений, служат примером политики предвосхищения. Революционный процесс не просто изменил мышление своих участников, но выразился в конкретных шагах, фактически преобразивших Португалию. «Революция гвоздик» и по сей день остается одной из самых масштабных социальных революций в Европе с 1945 года. Сведение «революции гвоздик», отметившей недавно свою пятидесятиую годовщину, к успешному военному перевороту 25 апреля 1974 года или к предполагаемому «хаосу», созданному «текущим революционным процессом» [1], является идеологическим.

На первый взгляд, «революция гвоздик» парадоксальна, ведь эта ультрамодерная революция произошла в крайне отсталой стране. Однако именно этот контекст сделал возможным взаимодействие самых разных социальных сил. Революция затронула многие слои общества: принудительный труд в колониях и свободный — в метрополии, мужчин и женщин, солдат и гражданских, простых рабочих и интеллектуалов, сельскую местность и город. В политическом плане она объединила антиколониальную революцию в Африке и политическую революцию в Португалии, демократическую и социальную революции. Понимание природы «революции гвоздик» может помочь нам помыслить социальную революцию в XXI веке.

A LUTA DOS BAIRROS
É SÓ UMA

СОРОК ВОСЕМЬ ЛЕТ ДИКТАТУРЫ

Португальская революция 1974 года и по сей день остается главной Началом Португальской революции послужил разгром регулярной армии в колониях. В 1961 году она потерпела поражение в борьбе с антиколониальными партизанскими движениями, получавшими активную поддержку крестьян в Гвинее-Бисау, Анголе и Мозамбике. Однако диктатура пала лишь 25 апреля 1974 года в результате переворота, организованного представителями среднего звена вооруженных сил, которые поняли, что выиграть колониальную войну невозможно и для ее прекращения необходимо покончить с режимом. Движение вооруженных сил совершило государственный переворот, положивший конец самому продолжительному диктаторскому режиму в Европе XX века. Сам этот режим возник 28 мая 1926 года в результате военного переворота, направленного на разгром одного из самых мощных европейских рабочих движений. К примеру, одна только газета португальского анархо-синдикалистского движения “A Batalha” выпускалась тогда ежедневным тиражом в двадцать пять тысяч экземпляров. Диктатуру Салазара стоит понимать как превентивную контрреволюцию против анархо-синдикализма, зародившуюся в политической семье европейских фашизмов и укрепившуюся на фоне мирового влияния испанской социальной революции 1930-х годов.

Португальская диктатура длилась столь долго, что миллионы людей успели родиться и умереть, так и не узнав, что значит жить в условиях свободы. Это была долгая, почти полувековая ночь военной диктатуры, охватившая период с 1926 по 1974 год. Фашизм пытался преодолеть противоречия

своего времени — гарантировать португальской буржуазии место на империалистическом мировом рынке, сохраняя при этом отсталое сельское общество, запретить профсоюзы и партии, узаконить принудительный труд в колониях, — но лишь усугублял положение дел, что в конечном счете привело к глубокой и масштабной социальной революции.

Португальская революция открыла эпоху демократических советов и социализации труда, затронув многие слои общества — от рабочих и крестьян до врачей и учителей — и дав начало глубоким социальным и политическим изменениям, по масштабу и значимости соответствующим скорее вызовам XXI века. Сержиу Годинью в одной из своих песен мастерски выразил характер мечтаний, которыми было охвачено португальское общество накануне революции: «Желать всего можно, лишь ничего не имея. Лишь угасая, грезят полнокровной жизнью».

ГЕНЕЗИС «РЕВОЛЮЦИИ ГВОЗДИК» — АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Певец и трубач Хью Масекела написал один из самых сильных гимнов африканского сопротивления “Stimela (The Coal Train)”. Песня рассказывает о вербовке подневольных рабочих из Мозамбика и других африканских стран на шахтах ЮАР в условиях апартеида. В ней описаны перемещения и тяжкая жизнь мигрантов, вынужденных трудиться на шахтах Йоханнесбурга и Кимберли. Слово “stimela” происходит от зулусского “isitimela” и переводится как «паровоз». Эта песня хорошо подходит и для описания португальского колониализма.

Важно рассматривать португальскую революцию 1974–1975 годов в контексте революционной синергии между колонизированными и населением метрополии. На протяжении десятилетий штурм тюрем Луанды со стороны Народного движения за освобождение Анголы и расправа над Союзом народов Анголы описывались как события, ознаменовавшие начало колониальной войны 4 февраля 1961 года. Однако работы историка Далилы Кабриты Матеуш показали, что решение о штурме тюрем в Луанде было ответом на расправу над рабочими хлопковых плантаций португальско-бельгийского предприятия «Котонанг» в Байша-ду-Кассанге, объявившими бессрочную забастовку месяцем ранее [2]. Восстание было объявлено 4 января, когда на ферме Соба Кивота, расположенной в десяти километрах от поста Миланду, произошло нападение на бригадиров «Котонанг». Рабочие заявили о том, что они атакуют любого, кто попытается обратить их в рабство, заставить работать на полях или платить ежегодный налог. В феврале португальская армия ответила на забастовку хлопкоробов бомбардировкой напалмом.

На месяц производство остановилось: «Повстанцы большими группами штурмовали официальные и частные объекты, повреждали транспортные средства, мосты и переправы, срывали португальские флагштоки, и ни один европеец при этом не был убит» [3]. В таких отдаленных районах, как посты Луремо, Куанго и Лонго, во множестве мест были найдены обгоревшие кучи хлопковых семян, рваные документы коренных жителей и другие следы народного возмущения. Соборания недовольного населения становились все более частыми и все более угрожающими.

Восстания против Португальской империи регулярно случались и раньше. В 1953 году жители Сан-Томе восстали против возможности стать подневольными рабочими на своей собственной земле. Колониальная администрация завозила ангольцев и жителей Кабо-Верде в качестве контрактных рабочих на фермы по выращиванию какао и кофе в Сан-Томе. На этих фермах работникам плохо платили или не платили вовсе, а избиения были обычным делом. Слухи о том, что сан-томийские фермеры могут потерять свои земли из-за рабочих-мигрантов и будут вынуждены сами работать по контракту, привели к восстанию. Португальское государство ответило резней в Батепе — именно с этого эпизода берет начало сантомеанский национализм. До сих пор 3 февраля отмечается как день памяти тех трагических событий. Восстание было подавлено при помощи гранат и пулеметов.

«Местные жители укрылись, одни в полях, другие — в лесу. Колониальная администрация в ответ на это вооружила заключенных и рабочих плантаций, распустила полицию и привлекла боевые отряды милиции, состоявшие из белых поселенцев. Началась “охота на черных”, приведшая к жестоким последствиям: внесудебные казни, сожженные дома, изнасилованные женщины и тысячи жителей Сан-Томе, помещенных в тюрьмы, где их пытали и убивали, откуда отправляли в трудовые лагеря» [4].

Жертвами этих событий стали сотни, а может быть и тысячи людей.

3 августа 1959 года произошло событие, подтолкнувшее Африканскую партию независимости Гвинеи и Кабо-Верде (ПАИГК) в Гвинею-Бисау к смене стратегии и переходу к вооруженной борьбе. Португальская колониальная администрация ответила на мирную забастовку рабочих порта Пиджигуити, требовавших повышения зарплаты, репрессиями, в результате которых погибло более десяти человек [5]. Амилкар Кабрал позже заявил: «В сентябре 1959 года, через месяц после резни в Пиджигуити, мы провели в Бисау тайную встречу, которая радикально изменила характер нашей борьбы. Именно тогда мы начали подготовку к вооруженной борьбе и приняли решение проникнуть в сельскую местность» [6].

С 1963 года ПАИГК перешла к вооруженной борьбе. К 1970 году партия контролировала более двух третей национальной территории. Гвинея (Португальская Гвинея, сегодня Гвинея-Бисау) представляла собой величайший военный вызов для португальской колониальной армии. Именно здесь возникло «Движение капитанов», которое в итоге объявило о прекращении войны и сыграло решающую роль в Португальской революции.

Другой фронт антиколониальной борьбы возник в Мозамбике. 11 июня 1960 года члены Ассоциации взаимопомощи народов маконде потребовали от португальских властей провести переговоры о возвращении маконде из Танганьики в Мозамбик. На эти требования власти ответили стрельбой — событие получило название «бойня в Муэде». По официальным данным, погибло четырнадцать человек, по данным Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) — сто пятьдесят. В результате маконде взяли в руки оружие и присоединились к ФРЕЛИМО, который объявил об ответных действиях 25 сентября 1964 года [7].

Колониальная война имела разрушительные последствия: более миллиона двухсот тысяч мобилизованных, сто тысяч погибших с португальской стороны (некоторые из них были завербованы на месте), от сорока пяти до ста тысяч погибших со стороны освободительных движений. За тринадцать лет попыток подавить антиколониальное сопротивление Португалия тратила от тридцати до сорока процентов государственного бюджета.

В то же время колониальный вопрос становился все более актуальным в международном контексте. При администрации Кеннеди (1961–1963) усилилось давление в рамках «африканской стратегии» США — политики, направленной на противодействие советскому влиянию в Африке путем поддержки и финансирования некоторых освободительных движений. Тем временем кубинский революционный режим укреплялся и сближался с СССР. Холодная война вышла за пределы планеты: в апреле 1961 года Советский Союз стал первой страной, отправившей человека в космос. Алжирская революция завершилась победой, и в 1962 году Алжир стал независимым государством, что дало ему возможность активно поддерживать освободительные движения и португальскую оппозицию.

Несмотря на ослабление американского давления после прихода к власти администрации Кеннеди, а также на то, что Португалия по-прежнему добивалась поддержки или хотя бы нейтральных голосов от своих партнеров по НАТО в ООН, дипломатические успехи освободительных движений, особенно ПАИГК, продолжались. Реакция командующего португальскими войсками генерала Спинолы на победы ПАИГК была крайне жестокой: напалмом выжигались целые деревни, организовывались принудительные депортации населения, а тех, кого подозревали в сотрудничестве с ПАИГК, арестовывали без разбирательств. С другой стороны, следуя логике «разделяй и властвуй», Спинола пытался завоевать сторонников, раздавая «ассимиляционные» сертификаты и пропагандируя меры социальной поддержки. Ему удалось добиться некоторого успеха, особенно среди вождей фулани, что затруднило действия ПАИГК на востоке страны, где доминировало это племя.

С 1968 года война зашла в тупик, однако появившийся на вооружении СССР и активно поставляемый повстанцам ПЗРК «Стрела-2» изменил баланс сил в пользу ПАИГК. Спинола осознал, что в Гвинее невозможно выиграть военным путем, и предложил португальскому премьер-министру Марселло Каэтано начать переговоры. В качестве посредника был предложен президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор, сторонник федералистского решения, к которому стремилась португальская метрополия. Однако в Лиссабоне понимали, что независимость Гвинеи

немедленно отразится на войнах в Мозамбике и Анголе, поэтому Марселло Каэтано заблокировал переговоры, решив, что военное поражение в Гвинее предпочтительнее риска в Анголе и Мозамбике.

На Конференции солидарности с народами португальских колоний в Риме Кабрал одержал один из величайших триумфов своего международного турне, когда 1 июля 1970 года был принят папой Павлом VI. Поистине великой победой стало признание ПАИГК в качестве законного представителя гвинейского народа в ООН в 1972 году. Это дало Кабралу основание заявить: «1972 год стал годом великих и решительных побед нашей партии и нашего народа на международной арене» [8].

Амилкар Кабрал был одним из самых выдающихся социалистических и интернационалистских лидеров XX века. Наряду с Че Геварой и Беном Баркой он играл ключевую роль в движении «Триконтиненталь» и создании на его базе Организации солидарности с народами Африки, Азии и Латинской Америки в 1966 году. В противовес националистическому и эссенциалистскому взгляду на «черный вопрос» они отстаивали классовое, революционное, антиимпериалистическое и антиколониальное видение. Все трое в разное время были убиты.

В 1960-е годы по всему миру возникли различные очаги сопротивления. Повсеместно происходили забастовки рабочих, особенно в сфере услуг, а также бурные студенческие протесты, особенно в 1962 и 1969 годах. Эти движения были частью более широкой волны активизма, характерной для десятилетия и отражавшей растущее недовольство существующими социальными и политическими структурами. Вьетнамская революция стала катализатором глобальной волны массовых протестов 1960-х годов, включая борьбу за гражданские права в США, майские протесты во Франции и Пражскую весну 1968 года, а также «горячую осень» 1969 года в Италии. Эти события повлияли на политическую обстановку в Португалии, Испании, Греции и Чили, а также в целом в странах центра, где такие лидеры, как де Голль и Никсон, были вынуждены уйти в отставку. Кроме того, успех «Общей программы» левых во Франции, значительные успехи Итальянской коммунистической партии на выборах 1976 года (ИКП была крупнейшей коммунистической партией в Западной Европе с более чем двумя миллионами членов) и забастовки английских шахтеров в 1972–1974 годах способствовали политическим потрясениям и переменам в эту эпоху.

25 АПРЕЛЯ 1974 ГОДА: ОТ ПЕРЕВОРОТА К СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1974 году пала последняя, ставшая анахронизмом колониальная империя. 25 апреля 1974 года Отелу Сарайва де Карвалью, поддерживаемый группой из двухсот человек из Движения вооруженных сил («Движение капитанов»), в результате военного переворота захватил власть в ключевых португальских городах, включая Лиссабон, Порту и Сантарем. Свержение диктатуры положило начало социальной революции. Она началась как политическая революция, но впоследствии изменила все общественные отношения. Поэтесса София де Мелло Брейнер Андресен увековечила эту дату как «цельный и чистый новый день» (“O dia inicial inteiro e limpo”).

«Революция гвоздик» — это не только военный путч 25 апреля, но и масштабный исторический процесс, длившийся почти два года. Ему предшествовали тринадцать лет борьбы за освобождение в колониях. Самым важным демократическим и революционным моментом в истории Португалии стал 1974 год. Вступившая в силу партисипаторная демократия позволила примерно трем миллионам человек принимать решения о том, как должно управляться общество, причем не раз в четыре года, а каждый день.

2 мая 1974 года на первой полосе лиссабонской газеты “República” появился заголовок, ставший уже легендарным: «Народ больше не боится» (“O Povo já não tem medo”). Спустя полтора столетия после первой либеральной революции в Португалии борьба с невыносимой несправедливостью сделала буржуазные социальные и политические права не просто стремлением, а достижимой реальностью. Преобразования Апрельской революции, отвечающие на требования

социального самоопределения, впервые позволили сформулировать универсальное видение страны.

За этой социальной революцией стояло несколько факторов: сопротивление колонизированных народов элите метрополии, борьба рабочих против капитала, борьба эмансипированных женщин против иберийского патриархата, а также более широкий конфликт между демократическими идеалами и фашистской диктатурой. Все это стало вызовом известной браваде Салазара: «Знай вы, чего стоит управлять другими, вы предпочли бы всю жизнь подчиняться». Старый режим рухнул всего за сутки, однако он забрал жизни четырех рабочих и студентов, которые пришли к зданию тайной полиции, руководившей политическими репрессиями. Так погибли Жуан Арруда, Фернандо Жестейра, Фернандо дос Рейс и Жозе Барнето.

За сорок восемь лет диктатуры режим «Нового государства» так и не смог создать никаких представительных органов для населения. Отсутствие демократических институтов в сочетании с тяжелым капиталистическим экономическим кризисом, начавшимся в 1973 году, создало как возможности, так и проблемы. Как мы покажем ниже, именно отсутствие свободных рабочих организаций, профсоюзов и политических партий способствовало постепенной радикализации социальной революции. В условиях вакуума власти и отсутствия устоявшихся национальных организаций спонтанно формировались комитеты рабочих на заводах и фабриках, появлялись демократические советы горожан. Эти низовые формы власти можно сравнить с Советами, возникшими в ходе революции начала XX века в России. Иными словами, там, где государство не справлялось, люди организовывали себя самостоятельно.

КОГДА РАБОТА ПОЛИТИЗИРУЕТСЯ: ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ

Вернемся к действующим лицам революции. Перед нами красноречивый образ: рабочий с сигаретой во рту, с обнаженным торсом, держит в руке строительный инструмент — он разбивает стену, стена рушится на глазах, сквозь падающие обломки проливается свет. После апрельской революции была принята общественная программа строительства жилья для малообеспеченных семей — теперь сюжет фотографии становится ясен. Фотограф, стоящий за разрушающейся стеной, строит композицию кадра вокруг трещины, а рабочий, похоже, не обращает на камеру никакого внимания.

Но что скрывают эти разрушения? В Барронхосе, трущобах, расположенных в устье Тахо всего в трех километрах от дач среднего класса в Лиссабоне, не было ни воды, ни школ, ни врачей. Не было даже прочных стен — хижины обшивались вагонкой и подручными материалами, так как национальная республиканская гвардия систематически сносила любые более или менее крепкие постройки. В квартале работала всего одна школа, и, чтобы продолжать обучение после четвертого класса, детям приходилось пересекать шоссе, на котором многие погибали. Разрушая стену, рабочий освобождает место для новых построек. Акт разрушения является здесь одновременно и актом созидания.

Витория Вера, жительница района и работница ткацкой фабрики, вспоминает:

«Правительство не давало расширить школу. Тогда местные жители решили, что если они соберут необходимые материалы,

то смогут сделать все сами. И действительно, они построили два дополнительных класса. Когда правительство наконец дало разрешение, классы уже были готовы!» [9]

Школу построили за два дня.

Отец Мартинш Жуниор из Мадейры, активно участвовавший в захвате земель в борьбе против феодального колониального режима и поддерживавший швей и строителей, вспоминает революцию через рассказ о встрече с бедным крестьянином: «Он нес на спине поленья. Увидев меня, он раскрыл объятия — дрова посыпались на землю — и воскликнул: “О, отец, теперь вы можете вздохнуть спокойно!”» [10]

Филомена Оливейра рассказывает, не в силах сдержать слезы:

«Это было в январе 1975 года, я тогда работала преподавательницей в Алентежу, в Алькасер-ду-Сал. В Алькасере был интернат с садом для детей, живших на холмах среди возделанных полей, вдали от городов. Сделать страну грамотной — вот чего все тогда хотели. Нельзя было игнорировать то, что происходило вокруг. Моя жизнь была связана с факультетом филологии и гуманитарных наук, мы знали обо всем, что тогда происходило, еще до окончания университета я уже преподавала — португальский язык и социальные науки.

Мы, преподаватели, как-то собрались и решили, что делать: работать сообща — мы, врачи и все остальные; страна была в наших руках, власть исчезла. Я знала, что должна действовать вместе с такими же людьми, как я, решая, каким должно быть образование в этой стране и чем нам заниматься. Времени было мало. Дух захватывало от мысли, что мы сами определяем, как будем работать. В подготовительной школе имени Педро Нуниша в то время было около двенадцати учеников, сейчас — пятьдесят. Значит, все должны были учиться! По закону обучение до шестого класса было обязательным, но материальных условий для этого не было — дети бросали школу, чтобы зарабатывать на жизнь. Мы создали условия для того, чтобы они могли продолжить учебу, и количество учеников увеличилось в разы.

Все решения принимались на общем собрании учителей, но иногда в обсуждении участвовали и школьники — даже те, что учились в подготовительных классах. Невозможно было не вовлечь их, не советоваться с ними, не рассказывать, что

происходит. В лицее в Синтре, куда я отправилась на следующий год, проходили пленарные заседания с учениками, учителями и всеми работниками. Вот что такое демократическое управление: два-три учителя, двое учеников и один-два школьных работника — все группы были представлены!

Самым ярким событием в Алькасере стал “захват” школы — люди, требуя решения насущной проблемы, заняли здание. Проблема была следующая. После шестого класса обучение заканчивалось, родители должны были платить за то, чтобы отправить детей в Сетубал на обучение в седьмом, восьмом и девятом классах, или же дети должны были бросить школу. Те, у кого были деньги, отправлялись в частную школу в Алькасере, которой руководил священник. Детей в ней училось очень немного.

На общем собрании учителей мы обсудили проблему и решили помочь семьям, “захватив” школу. На вечернем собрании ученики и учителя сошлись во мнении, что это единственный способ помочь. Даже ученики частной школы захотели участвовать — они тоже считали, что образование должно быть доступным для всех! Мы разработали план: двое учеников, мальчик и девочка, останутся внутри, когда школа закроется на ночь. Мы договорились, что они скажут родителям, будто идут к друзьям заниматься, а сами спрячутся в школе и утром откроют окна, чтобы другие школьники смогли попасть в школу до прихода учителей и занять здание. Наша роль заключалась в том, чтобы сопровождать учеников начальных классов на забастовке перед школой (они внутри, мы — снаружи). Поскольку наши ученики были самыми младшими, мы спросили разрешения у родителей. Некоторые из родителей присоединились к нам. Я вышла вместе с примерно пятьюдесятью учениками, мы сделали плакаты “Школа принадлежит народу!”, мы шли по улицам Алькасера и скандировали что-то подобное.

Когда мы подошли к школе, несколько родителей, богатые фермеры, стояли у входа и не пускали нас внутрь. Несколько человек подошли ко мне с палками, готовясь ударить. Ученики заступились: “Не смейте трогать нашу учительницу!” Я стояла испуганная, но тронутая этим поступком. Мы вошли в здание и присоединились к тем, кто уже был внутри. Так в Алькасере появилась школа для старших классов» [11].

Школа существует и по сей день.

Можно привести множество примеров самоуправления в других сферах жизни, прежде всего в здравоохранении. Радио и телевидение Португалии, которое захватил народ и которым демократически управляли с апреля, хранит в своих архивах свидетельства десятков собраний в медицинском секторе по всей стране. На этих собраниях сотни медработников избирали комитеты управления.

В важнейшем информационном бюллетене “Jornal Nacional”, выпускаемом на Радио и телевидении Португалии, сообщалось о проблемах антисанитарии и болезнях, связанных с отставанием страны, а также о десятках собраний врачей и медперсонала. Все это показывали по телевидению и транслировали по радио в прайм-тайм. 1 мая работники больницы Сан-Жуан собрались для того, чтобы «обсудить политические события, последовавшие за революцией 25 апреля, и предложения по реорганизации клиники». 3 мая сотрудники больницы имени Доны Стефании провели пленарное заседание, где обсудили «демократизацию структур медицинского учреждения». 5 мая состоялось общее собрание работников больницы в Сетубале, 6 мая — общее собрание медработников больницы Сан-Жуан в Порту, 16 мая — собрание администрации больницы Гимарайнша.

Васку Транкозу, медик, так вспоминает свою работу в Периферийной медицинской службе (созданной в 1975 году после протестов студентов медвузов):

«Это была эпоха возможностей, когда мы стремились исправить дисбаланс в сфере медицинских услуг. Время, полное надежд, появившихся после 25 апреля. Эпоха, когда свобода виднелась на горизонте, когда периферия активно развивалась и все осознали свое право на здравоохранение. Мы работали напрямую с самыми бедными людьми, что давало возможность обеспечивать медицинское просвещение среди нуждающихся и позволяло делать систему здравоохранения более справедливой. Более того, это углубило наше понимание проблемы взаимодействия врача и пациента. 1975 год стал незабываемым путешествием в глубины беднейшей и наиболее изолированной Португалии. В результате в провинции появилось множество врачей. Я горжусь этим чрезвычайно насыщенным временем, когда я был счастлив, занимаясь своим делом. Я скучаю по людям, с которыми тогда познакомился» [12].

Витория Вера рассказывает, что в 1974 году «социализм» был для нее понятием слишком расплывчатым. В ее жизни революция началась, когда жители трущоб, таких как ее родной район Карнашиде, принялись

расширять помещение школы и реорганизовывать маршрут общественного транспорта.

«Мы вместе поменяли маршрут четырнадцатого автобуса, потому что до Лиссабона транспорта не было. Однажды мы собрались, сели в автобус, стали ходить туда-сюда и говорили, когда нужно остановиться. Много дней подряд мы вместе с рабочими выбирали, где ставить остановки, от руки рисовали таблички. Решения принимали, исходя из того, где кто работает, где нужны пересадки на другой транспорт и так далее. Для меня это был лучший опыт совместного действия» [13].

Бернардину Паскоа, еще один медик, работавший в Эворе после революции, кратко описал этот рывок португальского общества:

«Люди почувствовали потребность в том, о существовании чего раньше и не догадывались» [14].

ПОЛИТИКА ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ: «БУДУЩЕЕ БЫЛО СЕЙЧАС»

По случаю двадцатой годовщины «революции гвоздик» Франсишку Мартинш Родригеш, лидер португальских маоистов, порвавший с левым крылом компартии в начале 1960-х, опубликовал книгу “O futuro era agora” («Будущее было сейчас»). Этот коллективный труд, выпущенный издательством Родригеша “Dinossauro”, объединил около пятидесяти рассказов, посвященных пятистам восьмидесяти дням «народной власти». Среди прочего в книге ставится вопрос: «Почему десятки тысяч

активистов вдруг охватила настоящая лихорадка критического мышления, преобразований, провозглашения новых принципов и самоорганизации? Как им удалось передать этот энтузиазм миллионам людей?» [15] Так как же политика предвосхищения осуществляла «будущее в настоящем»?

Политика предвосхищения, то есть проекции будущего, лежит в сердце Португальской революции. Она преобразовала «формы социальных отношений, процессы принятия решений, [политическую] культуру и человеческий опыт — что и [было] ее истинной целью» [16]. Эта революция позволила сознательно и целенаправленно экспериментировать с социальными отношениями и политическими практиками, претворяя в жизнь идеал самоорганизованного общества. За символическими фигурами этих событий — такими как упомянутые нами преподавательница Филомена Оливейра, отец Мартинеш или неизвестный рабочий, разбивающий стену, чтобы освободить место для новых построек, — стоят миллионы участниц и участников. Речь идет о широком спектре форм и смыслов — от интернационализма Международной ассоциации рабочих до народного образования в духе революционной традиции профсоюзов и коллективного обсуждения самого революционного процесса. Иными словами, политика предвосхищения не сводится к мысли об утопии, а воплощается прежде всего в конкретном историческом акте.

В нашем исследовании «революции гвоздик» мы различим рабочий контроль и самоуправление. Рабочий контроль — это процесс осуществления двоевластия, при котором рабочие формально или неформально организуются на уровне производства. Это относится к самой сути революционного процесса, а не к конкретным структурам или институциям. Рабочий контроль следует отличать от самоуправления (при котором рабочие становятся собственными начальниками — это явление распространилось во время Португальской революции на более чем триста предприятий) и совместного управления (при котором рабочие управляют предприятием или заводом совместно с владельцами и/или государством, часто при посредничестве профсоюзов или рабочих комитетов). Можно рассматривать этот процесс как своего рода акт предвосхищения, при котором те, кто его осуществляют, не всегда осознают его конечную цель, однако продолжают действовать.

Фатима Патриарка в своем исследовании рабочего контроля приводит множество выдержек из официальных заявлений заводских и производственных советов [17]. В этих заявлениях провозглашается отказ от продуктивизма, а рабочий контроль утверждается в качестве способа противодействия капиталистической эксплуатации и рассматривается

как возможность для рабочего движения выдвигать своих лидеров и формировать классовое сознание (что в перспективе должно было упразднить систему капиталистических отношений). Движимые стремлением к демократическим свободам, рабочие оказывают давление на менеджмент предприятий, берут управление производством в свои руки. Едва ли не спонтанно формируются рабочие комитеты, чья задача — навязать изменения. Изначально их требования были экономическими, что позволило объединить социальные группы вокруг общего интереса — улучшения условий труда и рабочих отношений. Эта консолидация, выраженная в создании комитетов, сыграла ключевую роль в формировании политического сознания, которое развивалось, среди прочего, под влиянием молодых радикальных левых, а также благодаря неспособности режима справиться с ростом безработицы в условиях глубокой рецессии. Борьба за выполнение экономических требований постепенно переросла в политическую борьбу, которая, в свою очередь, стала средством достижения тех же экономических целей.

Революционная борьба привела не только к значительному расширению политических и социальных прав (рабочие уже с 25 апреля начали пользоваться правом на собрания, объединения и свободное высказывание, задолго до принятия соответствующих законов), но и к крупнейшей в истории эрозии капитала. Этот процесс выразился в том, что в Португалии наблюдался исторический рост трудового дохода по сравнению с доходом от капитала. Если в 1973 году доля трудового капитала (зарплаты и социальные выплаты) и дохода от капитала (проценты, прибыль и аренда) составляла по пятьдесят процентов от валового национального продукта, то в 1975 году соотношение изменилось до семидесяти и тридцати процентов соответственно. Только представьте!

Перераспределение власти в революционный период привело к тому, что прибыль предприятий регулярно перенаправлялась от капитала на обслуживание интересов рабочих — увеличение заработных и социальных выплат, выплаты процентов с инвестиций, введение субсидий на аренду жилья, замораживание цен и прочее.

В ходе революционной борьбы звучали, среди прочих, следующие требования: повышение зарплат; оплата переработок; улучшение условий труда; ограничение ночных смен; регулирование цен на товары первой необходимости; установление минимальной зарплаты, превышающей уровень, необходимый для воспроизводства рабочей силы; оплата переработок при необходимости найма сиделки для детей; снятие контроля за посещениями уборной; равенство зарплат при одинаковом

объеме работы; организация яслей на рабочем месте; улучшение качества жилья. Кроме того, рабочие добились фундаментальных прав, радикально повлиявших на показатели материнского и детского здоровья: семь недель отпуска до родов и столько же — после, бесплатное сопровождение врача или акушерки при родах. Закон о разводе был отменен, а с 1975 года женщины получили право служить в дипломатическом корпусе. В мае 1974 года под давлением общества детское пособие было увеличено до двухсот сорока эскудо на каждого ребенка. Открывались не только ясли, но и школы для детей с инвалидностью, а для взрослых организовывались курсы повышения квалификации.

В 1975 году банки были национализированы без компенсации и перешли под контроль государства, однако теперь управление ими осуществлялось самими работниками, что позволило частично сдержать утечку капитала. Право на досуг, названное одним из основных в новой конституции 1976 года, было гарантировано законом — комиссии обязали муниципальные власти выделять средства на развитие театра, музыки и спорта. В ходе одной из демонстраций работники пекарен требовали права проводить ночи с семьями и вести нормальную жизнь. Для сравнения, ночной труд был упразднен еще в эпоху Парижской коммуны. Была сформирована беспрецедентная сеть демократических рабочих комитетов, насчитывавшая более четырех тысяч объединений. Появилось триста шестьдесят новых предприятий, площадь возделываемых земель возросла втрое, поскольку люди заняли территории, обеспечивая себе право на выживание и реализацию сельскохозяйственной реформы — впервые в истории страны.

Указом 1979 года была учреждена Национальная служба здравоохранения. Однако унификация всеобщей системы здравоохранения началась после 25 апреля 1974 года. Гегемония одного социального класса над другим предполагает конструирование памяти, которая идет вразрез с официальным нарративом. Современные версии возникновения Национальной системы здравоохранения часто воспроизводят нарратив, согласно которому она была учреждена «указом» 1979 года, совершенно упуская из виду, что ее создание произошло в 1974–1975 годах в результате действий рабочего движения во главе с врачами, которые боролись за права медицинских работников и карьерные возможности в медицине. Иногда это делалось при поддержке районных исполнительных комитетов или через механизмы самоорганизации, как это было, например, во время оккупации клиники Святого Луки.

В этот период происходили разные события: оккупированные дома, в

которых создавались центры здравоохранения, как в Сейшале; общие собрания ведущих клиник, на которых осуществлялась демократическая реорганизация управления с предложением порой радикальных решений, таких как бесплатное предоставление крови; экспроприация частных клиник; создание Периферийной медицинской службы, которая оказывала медицинские услуги тем слоям населения, которые зачастую не имели доступа к врачам. Все это происходило в обмен на возможность строить врачебную карьеру и обеспечивать высокое качество медицинских услуг. Так создавалась Национальная служба здравоохранения в ходе «революции гвоздик».

Множество автобусных линий в Лиссабоне и Оэйраше появилось благодаря практике «отклонений от маршрута»: люди садились в автобус и вынуждали водителей заезжать в трущобы или удаленные кварталы, в которых из-за нерентабельности не было общественного транспорта. Часто такие объезды совершались при поддержке самих водителей.

Революция отличается от других социальных процессов тем, что в период радикальных преобразований люди начинают действовать самостоятельно, проявляя инициативу и беря жизнь в свои руки. В течение девятнадцати месяцев три миллиона человек участвовали в собраниях советов рабочих, жителей и солдат, где в ходе долгих дискуссий и споров ежедневно принимали решения о том, как поступить в той или иной ситуации.

25 ноября 1975 года в ходе правого военного переворота под управлением Рамалью Эаниша, с гражданской стороны возглавляемого партией социалистов, при поддержке церкви, НАТО и «Группы девяти» (реформистского крыла Движения вооруженных сил) были задержаны более ста офицеров-революционеров и переведены в резерв солдаты тех подразделений, в которых проявилось двоевластие. Государственный переворот восстановил дисциплину в вооруженных силах и обеспечил стабилизацию государственных институтов, поддержав существование правового государства, парламент, свободные выборы, права, свободы и гражданские гарантии.

Революция завершилась нововведением, которое было применено в Латинской Америке в 1980-х годах. Гражданскую контрреволюцию 25 ноября 1975 года возглавил социалист Мариу Суареш, обеспечив отсутствие жертв и важные уступки в социальной сфере (государство всеобщего благосостояния). Компартия, сыгравшая героическую роль в борьбе с диктатурой, согласилась не сопротивляться в тот день, публично признав, голосом Алвару Куньяла, тогдашнего руководителя партии, что левые военные структуры стали тяжким бременем для компартии, поскольку их действия ставили под угрозу баланс сил с «Группой девяти» и договоренности о мирном сосуществовании между США, Восточной Европой и СССР [18]. Революция завершилась не фашистским переворотом, а переворотом военным, с минимальным насилием и при незначительном сопротивлении.

После 25 ноября 1975 года переход Испании и Португалии к

демократическим режимам в период с 1975 по 1978 год был обоюдно упрочен. 20 ноября 1975 года умер генерал Франсиско Франко, символ испанской диктатуры. В конце 1976 года испанцы голосовали на первых с 1939 года свободных выборах. Большинство испанских историков утверждают, что демократизация Испании, начавшаяся до описанных событий, лишь ускорилась со смертью диктатора, а события в Португалии не имеют никакого отношения к этому процессу. Однако историографические исследования опровергли этот тезис, продемонстрировав, что с началом Португальской революции испанская буржуазия, пусть и не без внутренних трений, начала ослаблять контроль, опасаясь, как бы эта революция не привела к волнениям в Испании [19]. После поражения Отелу де Карвалью на выборах (1976), Пакта Монклоа (1978) — договора о транзите власти между франкистами с одной стороны и социалистами (ИСРП) и коммунистами (КПИ) — с другой, провала рабочих Лиснаве в Португалии, а также поражения забастовок служащих военно-морского флота и сталелитейщиков в Испании в 1984–1986 годах [20] процесс завершился вступлением обеих стран в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1986 году.

Термин «контрреволюция» нередко критикуют за его идеологическую направленность, которая якобы затушевывает исторические реалии. Однако описание переворота 25 ноября в терминах «демократической нормализации» не только определяет, что такое «нормальность», но и игнорирует наличие двоевластия и партисипаторной демократии, также являясь глубоко идеологизированным. Буржуазия, установившая диктатуру «Нового государства» для достижения своей революции, в 1974–1975 годах потерпела поражение, что привело к бегству некоторых членов правящей элиты в 1975 году. Однако с 25 ноября 1975 года ей удалось добиться определенных успехов. В это время восстанавливается контроль в производственной сфере с целью накопления капитала. Это публично признает военный руководитель переворота Рамалью Эаниш во время празднования второй годовщины событий 25 ноября 1975 года:

«Теперь институты и органы сталкиваются с новыми вызовами. Еще год назад основной задачей было восстановление государства и власти правительства, обеспечение сосуществования политических и социальных сил, укрепление единства нации. Сегодня же всех заботят иные проблемы: нам необходимо восстановить рабочую силу и экономическую базу, чтобы значительно увеличить объемы производства и ускорить накопление богатств. <...> Простого решения конфликтов уже недостаточно. Необходимо внедрять в повседневную жизнь правила экономического поведения и политического действия, которые способствуют росту производства» [21].

Эта модель «контрреволюции», сегодня известная в качестве телеологической концепции «перехода к демократии», ляжет в основу политической линии президента США Джимми Картера, позволившей осуществить постепенный переход от диктатур к демократическим режимам в странах Латинской Америки. Эта модель стремится не допустить революционных потрясений, создав новую электоральную базу в обществе в рамках представительной либеральной демократии.

В наших оценках революции и контрреволюции мы не согласны с позициями Боавентуры де Соуза Сантуша, Фернанду Розаша и Антониу Кошта Пинту. В своей новаторской работе Сантуш утверждает: Португальская революция доказывает, что глубинные социальные перемены были достигнуты благодаря прямому вмешательству государства [22]. Розаш утверждает, что апрельская революция является генетическим признаком португальской демократии и что представительная демократия — результат коллективного сдерживания социальной революции [23]. Кошта Пинту говорит о том, что исторический переход был возможен лишь посредством «политического разрыва» [24]. В отличие от всех трех историков, Ракель Варела в книге «Народная история “революции гвоздик”» утверждает, что капиталистическое государство и либеральная демократия, установленные Конституционным социальным пактом 1976 года, представляют собой разрыв с революцией.

В противоположность утверждениям Соуза Сантуша для социальной революции характерна деятельность рабочей силы не в рамках государства, а ровно наоборот — социальная революция характеризуется тем, что достижения рабочих реализуются вопреки государству, с опорой на двоевластие и новые органы народного управления. Либеральная демократия не является продолжением революции, как утверждает Фернанду Розаш, а представляет собой резкий разрыв с ней, то есть ее полное поражение. Революция и контрреволюция — два разных момента истории. Термин «переход через разрыв», введенный Кошта Пинту, тем более не отражает совокупность процессов, поскольку сталкивается с двумя разрывами, которые сильно различаются с точки зрения политических ориентиров и организации вооруженных сил Португалии (и которые далеко отстоят друг от друга во времени). Первый — это военный переворот 25 апреля 1974 года, который инициировал революцию, второй — военный переворот 25 ноября, который положил начало контрреволюции. Либеральный демократический режим опирается на две идеи, радикально отличающиеся от идей революционного периода: представительная демократия (в отличие от прямой) и уважение к частной собственности на средства производства.

Единственная не до конца определенная граница, которую прочертили события 25 ноября, относится к сфере социальной борьбы. Например, занятие земель продолжалось и после ноября 1975 года. Как революцию невозможно свести лишь к декларации, так и контрреволюция не сводится к государственному перевороту и военным санкциям. Это процесс: потребовалось более десяти лет, чтобы победить революцию, «придать гибкость» рабочей силе (1986–1989), внедрить сельскохозяйственную контрреформу (1982). Столько же времени заняла постепенная эрозия государства всеобщего благосостояния через приватизацию (1989).

Однако в том, что касается политического режима, изменения произошли резко. События 25 ноября 1975 года положили конец политике двоевластия в воинских частях (ее окрестили «недисциплинированностью»). В апреле 1976 года состоялись парламентские выборы, окончательно утвердившие главенство парламентской представительной демократии. Это сильно исказило представления о прямой демократии рабочего класса, которую презрительно называли «ассамблейством», «годами безумств» и «хаосом».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ : ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Несмотря на то, что Португалию часто упускают из виду, она сыграла важную роль в мировых революционных движениях. Португальская революция была не только антиколониальной борьбой, которую вели подневольные рабочие и пролетарии, но и современной европейской социальной революцией. Эта двойственная природа революции уходила корнями в движение промышленных рабочих и распространялась на

пролетаризированные промежуточные социальные слои, такие как работники сферы обслуживания, включая учителей, врачей и технический персонал. В совокупности это неортодоксальное движение представляло собой вариант стратегии, который нашел отклик за пределами Португалии, оказав влияние на Южную Европу, Латинскую Америку и Южную Африку.

Понять мировую историю невозможно без понимания истории «революции гвоздик» 1974–1975 годов. Вместе с Вьетнамской революцией она ставила ключевые вопросы перед американской и европейской дипломатиями. Она оказала влияние на Францию и Италию в контексте «Общей программы» и «Исторического компромисса», а также была связана с падением диктатур в Южной Европе. Португальская революция оказалась столь мощным социальным взрывом, что президент США Джеральд Форд предположил, что все Средиземноморье может превратиться в «красное море», а режимы государств Южной Европы падут, как кости домино [25].

В разгар революции 25 апреля белая элита Мозамбика во главе с Жорже Жардином тщетно пыталась установить в стране режим апартеида. Однако антиколониальные революции и Португальская революция 1974–1975 годов стали препятствием для подобных мер. В 1976 году студенческое восстание в Соуэто привлекло внимание мировой общественности к жестокости полиции, поддерживающей режим, что дало импульс к активному международному росту активистской деятельности, направленной на борьбу с апартеидом. Сегрегационный режим в Родезии пал в 1980 году после провозглашения независимости Анголы. Гражданская война в Анголе также получила новое развитие с окончанием апартеида в 1990-е годы.

По нашему мнению, «революция гвоздик», влившись в поток мировых событий, запущенный в мае 1968 года, подняла волну социального и политического сопротивления в Южной Европе. Это, в свою очередь, замедлило неолиберальное наступление, которое планировала Маргарет Тэтчер в 1973 году в Великобритании и которое угрожало подавить шахтерское движение. Однако начиная с 1986 года европейская буржуазия преодолела страх перед революцией и смогла приступить к реализации своих планов по реструктуризации производств.

Почему же «революция гвоздик», произошедшая, кажется, совсем недавно и оказавшая столь сильное влияние на весь мир, остается в наши дни малоизвестной? Почему о ней нет фильма, подобного «Земле и свободе» (“Land and Freedom”) — фильму Кена Лоуча о событиях 1936 года в

Барселоне? Почему мы подпеваем кубинским, испанским, итальянским и другим революционным песням, но не знаем ни одной португальской? Почему кровавый переворот против Сальвадора Альенде в Чили занимает в воспоминаниях куда более важное место, чем португальский «цельный и чистый новый день», воспетый Софией де Мелло Брейнер? Эти вопросы звучат особенно остро теперь, в год пятидесятилетия апрельских событий.

Пятидесятая годовщина 25 апреля дает нам возможность задуматься о глубоких социальных и политических последствиях «революции гвоздик». Она представляет собой исторический процесс, отмеченный трансформацией демократической революции в социалистическую, при этом такой процесс неизбежно нарушает «национальные» границы, о чем свидетельствует ее связь с африканскими антиколониальными революциями и политическими преобразованиями в Испании, а также с народной революцией в Греции. Социальную революцию в Португалии стоит рассматривать как пример наиболее глубоких революционных и демократических историко-политических преобразований второй половины XX века. Экономика, политика, студенческие организации, общественные пространства, вся вертикаль властных отношений — революция ничто не оставила неизменным. Сотни тысяч людей в заводских комитетах, районных товариществах и других органах совместного управления часами спорили, голосовали, коллективно принимали решения. Прямая демократия — это отсутствие разрыва между теми, кто думает, и теми, кто делает; неразделение тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Португальская революция стала гораздо большим, чем просто примером революционного процесса, — она стала живой демонстрацией того, что мы можем жить иначе. Разумеется, это крайне опасно.

Из малого семени вырастает сад. История, уложившаяся в пятьсот восемьдесят пламенных дней народной власти, когда «будущее было сейчас», повествует именно об этом — о том, что мы можем жить и трудиться иначе.

Примечания

- [1] «Текущий революционный процесс» (Processo Revolucionário em Curso; PREC) — период между революцией 25 апреля 1974 года и контрреволюционным государственным переворотом 25 ноября 1975 года. Эта аббревиатура используется в португальском языке для обозначения действий широкого спектра левых сил, направленных на осуществление социалистической революции в стране.
- [2] Mateus D. C. «Conflitos Sociais na Base da Ecloração das Guerras Coloniais» // Varela R., Noronha R., Pereira J. D., eds. Greves e conflitos sociais em Portugal no século XX. Lisboa: Colibri, 2012. P. 185.
- [3] Freudenthal A. «A Baixa de Cassanje: algodão e revolta» // Revista Internacional de Estudos Africanos 18–22, 1995–1999. P. 260.
- [4] Seibert G. «O Massacre de Batepá. Em Fevereiro de 1953, o governador de São Tomé, Carlos Gorgulho, pôs a ilha a ferro e fogo» // Paço A. S. d., ed. Os Anos de Salazar (1952–1953). Vol. 10. Lisboa: Planeta DeAgostini, 2008. P. 64–73.
- [5] Rema H. P. História das missões católicas da Guiné. Braga: Franciscana, 1982. P. 856; цит. по: Mateus D. C. «Conflitos Sociais...». P. 180.
- [6] Cabral A. Textos políticos. Porto: Afrontamento, 1974. P. 11.
- [7] Mateus D. C. «Conflitos Sociais...». P. 183.
- [8] Cabral A. Textos políticos. P. 47.
- [9] Цит. по: Varela R. A Revolução dos Cravos em Oeiras. Lisboa: Parsifal, 2019. P. 77.
- [10] Цит. по: Varela R., Pereira L. B. História do Povo da Madeira no 25 de Abril. Lisboa: Parsifal, 2017.
- [11] Цит. по: De Pé Sobre a História: O Mundo do Trabalho RTP. URL: <https://www.rtp.pt/programa/tv/p45602>
- [12] Цит. по: Varela R. Uma Revolução na Saúde: História do Serviço Médico à Periferia, 1974–1982. Vila Nova de Famalicão: Húmus, 2020.
- [13] Цит. по: Varela R. A Revolução dos Cravos...
- [14] Цит. по: Varela R. Uma Revolução na Saúde...
- [15] Rodrigues F. M., ed. O futuro era agora... [Prefácio].
- [16] Boggs C. «Marxism, Prefigurative Communism, and the Problem of Workers' Control» // Radical America 11.6. P. 99–122; см. также: Idem. «Revolutionary Process, Political Strategy, and the Dilemma of Power» // Theory & Society 4.3. P. 359–393.
- [17] Patriarca F. «Controlo operário em Portugal (I)» // Análise social 12.47, 1976. P. 765–816; Eadem. «Controlo operário em Portugal (II)» // Análise social 12.48, 1976. P. 1049–1146.
- [18] Cunhal Á. A Verdade e a Mentira na Revolução de Abril (a contra-revolução confessa-se). Lisboa: Edições «Avante!», 1999; «Uma curva difícil e perigosa» // Jornal «Avante!», 30 novembro 1975.

- [19] Sánchez Cervelló J. A revolução portuguesa e a sua influência na transição espanhola (1961–1976). Lisboa: Assirio & Alvim, 1993; Carrilo-Linares A. Subversivos y malditos en la Universidad de Sevilla (1965–1971). Sevilla: Centro de Estudios Andaluces, 2008.
- [20] Goldner L. Ubu Saved from Drowning: Class Struggle and Statist Containment in Portugal and Spain, 1974–1977. Cambridge: Queequeg Publications, 2000; Arcary V. «Quando o futuro era agora. Trinta anos da revolução portuguesa» // Revista Outubro 11, 2004. P. 71–92.
- [21] Eanes A. R. No 2.º aniversário do 25 de Novembro: discurso proferido em Tancos pelo Presidente da República, general Ramalho Eanes, ao comemorar-se aquela efeméride. Lisboa: Secretaria de Estado da Comunicação Social, Direcção-Geral da Divulgação, 1978. P. 10.
- [22] Souza Santos B. d. «A Crise e a Reconstituição do Estado em Portugal (1974–1984)» // Revista Crítica de Ciências Sociais 14, 1984. P. 7–29.
- [23] Rosas F. Pensamento e acção política: Portugal século XX (1890–1976). Lisboa: Editorial Notícias, 2004.
- [24] Pinto A. C. «Political Purges and State Crisis in Portugal's Transition to Democracy 1975–1976» // Journal of Contemporary History 43.2, 2008. P. 305–332; Idem. «Abril e o Futuro» // Diário de Notícias, abril 2004.
- [25] Varela R. «O impacto da revolução portuguesa de 1974–1975 no PSOE visto através de 'El Socialista'» // Ler História 57, 2009. P. 111–124.